

Поэзия поступка

Сергей Орлов

«Ж

ак бы ни были несхожи друг с другом и отличимы друг от друга поэты фронтового поколения, объективные условия, в которых формировались их творческие индивидуальности, оказали такое решающее влияние на философию и психологию каждого, что поэтические формулы действительности каждого можно отнести ко всему поколению»,¹ — писал Сергей Орлов.

И все-таки гуртовая характеристика этого поколения быстро себя исчерпывает. Линия безусловного сходства прерывается. И перед нами возникают обособленные лица, судьбы, стили.

Даже декларации, под которыми мог бы подписаться каждый, не всякий способен был написать, потому что свою писал бы иначе. Декларации создавались как документ самосознания, но принимались как общие, как самовыражение целого поколения. И все же декларации разные, нет двух одинаковых. В них тоже выразился индивидуальный подход к войне, которая была для всех одна.

«В общем котле варилась не каша, которую можно брать любыми порциями, — сказал по этому поводу Д. Самойлов. — Росли индивидуальности, расходились жизненные дороги — и перед каждым, кто вступил в литературу, должен был встать вопрос не только о коллективной ответственности поколения, но и о личной ответственности писателя. В этом была диалектика нашего

¹ Орлов Сергей. Собр. соч. в 3-х тт. М., 1980, т. 3, с. 107.

развития. Как говорят философы, мы шли от общности к особенностям». ¹

На примере поэтов фронтового поколения очевидно, какими разными путями по сути даже один и тот же материал обращается в поэтический образ. И как потом избирательность восприятия жизни разводит их в разные стороны.

Сергей Орлов не был ни самым громким, ни самым модным из поэтов фронтового поколения. Прожил он свою творческую жизнь без суеты, с достоинством, внешне спокойно и уравновешенно, но с большой внутренней страстью и напряженностью, так что на пятьдесят седьмом году жизни сгорел мгновенно, как горят в танке. Как он горел в 1943 году под Мгой и в 1944-м под Псковом. Но тогда все обошлось, только на лице остались рубцы и шрамы.

4 октября 1977 года Сергей Орлов закончил составление своего первого и единственного Собрания сочинений. 7 октября умер на службе, в служебном помещении, внезапно. Среди бумаг хранилось неопубликованное стихотворение:

Остается небольшая малость:
Жизнь прожить без лишней суеты, —
Так, как в дни, когда она касалась
Ежечасно бешеной черты
И могла сгореть в одно мгновенье,
Может, тышу раз на каждом дне...
Не пугаться, не искать спасенья,
Не питать надежду на броню.

Началась посмертная судьба поэта. Вышла книга неопубликованных стихотворений «Костры» (М., 1978), Собрание сочинений в 3-х томах (М., 1979—1980), сборник «Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное» (Лениздат, 1980). И оказалось, Сергея Орлова недостаточно знали даже близкие друзья. После него осталось более трехсот ненапечатанных стихотворений 1939—1977 годов. Часть из них он готовил для книги «Костры». Большинство же — среди них и первоклассные — так и остались вне книг. Факт, не перестающий поражать до сих пор.

Так что у Сергея Орлова были все основания блистать на небосклоне послевоенной поэзии. В литературу он во-

¹ Самойлов Давид. «Поэт контактен и потому принадлежит не только самому себе...». — *Вопр. лит.*, 1978, № 10, с. 225.

шел уверенно и мощно книгой «Третья скорость» (1946). Вошел с легендарной репутацией отчаянного танкиста. Обожженное лицо без лишних слов подтверждало легенду.

Стихи первых его книг, круто замешенные на острейших военных впечатлениях, заставляли говорить о себе. Их нельзя было не заметить. О них уважительно писали старшие — П. Антокольский, Ю. Олеша, Н. Павлович. На I-м Всесоюзном совещании молодых писателей в 1947 году Сергей Орлов пользовался безусловным вниманием Н. Тихонова, В. Луговского, Н. Асеева, С. Маршака. Шутили даже, что в поэзию он вторгся на «третьей скорости».

В стихах Сергея Орлова военной поры мчатся танки, «поднимая орудий раскаленные стволы, как мамонты, трубя и тяжело вздыхая». Их ведут выносливые и мужественные люди навстречу огню, через болотные гати и снежные заносы. Стужа, ледяной ветер, черная подснежная вода, яростное пламя, смешанное с удушливым дымом, и среди этих беспощадных стихий — человек на могучей машине. Где тут главная сила? После атаки танкист напоминает себе: «Проверь мотор и люк открой: пускай машина отдыхает. Мы все перенесем с тобой, — мы люди, а она стальная...»

Но и люди, что крепче стали, выйдя из боя, в изнеможении падают на траву. Выползают из огня с обожженными лицами, оставляя «крови след на поблекшей осоке». Одинокó умирают на безлюдном пятачке, прорастая березняком «через ребра распавшейся груди».

Рядом с героикой войны — ее физиология. Страшны раны, мучительны испытания огнем и железом, тяжела изматывающая усталость, убийствен холо́д: «Тепло то-варищ вспоминает... Он врет, нет на земле тепла! Одна пустыня снеговая вчера и завтра, снег и мгла».

Скуден, безрадостен и жесток ежедневный труд войны. Но — какой бы она трагичной ни была — величественна смерть: «Его зарыли в шар земной, а был он лишь солдат...» Или из недавно опубликованного:

Вокруг весна беспутная летела,
От нетерпенья жгучего дрожа,
И даже медь на гильзах зеленела,
И прорастали бревна в блиндажах.

А мы стояли над могилой кругом,
Она как двери рубленой проем

В тот мир, откуда нет возврата другу,
Где и весна и зелень — ни при чем.

Ему теперь ни осени, ни лета
Не увидеть над самой головой, —
Навек в шинель сосновую одетый,
Он навсегда остался с той весной.

Как сказал Д. Самойлов, на войне «смерть всегда подвиг». И у Сергея Орлова она везде облагорожена, мертвого солдата, как в мавзолей, кладут в земной шар. Вместе со своей последней весной он навсегда уходит от живых в свой мир. Есть даже такой сюжет. Две недели разыскивает бойца полевая почта, «но адресат погиб на переправе». Открытка отправляется в обратный путь. Но и написавшего ее она уже не застает в живых: «Все было как положено в открытке — о жизни мертвый мертвому писал».

Событийный ряд обосновывает этот, казалось бы, немыслимый образ. Для Сергея Орлова очень важно, что и мертвые как бы продолжают обмениваться письмами о жизни. Уходя, они не уходят совсем, от них что-то остается — письмо, память, нравственный пример, легенда, мавзолей, равный земному шару.

Непосредственное действие, сопряженное с грубым трудом войны, увенчивается духовным ореолом. И чем жертвенней труд, тем ярче ореол. Чем мучительней подвиг, тем весомей нравственный итог.

Герои Сергея Орлова не знают страха. Они — люди высокой цели и неукоснительного долга. Оплаченный смертью одних, он перекладывается на плечи других — продолжающих жить. И он абсолютно конкретен, для наследующих его обязателен в поведении, непосредственно действен: «Прогремели орудия слово свое. Иней белый на башни сел. Триста метров они не дошли до нее... Завтра мы возьмем Карбусель!» Была и на самом деле эта Карбусель. Были тяжелейшие бои за нее. И Сергей Орлов со своим танковым взводом участвовал в этих боях.

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты снят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком копилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...

Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых...

Как все это отличается от трезвой социологии Слуцкого, от описания военных будней или психологических проникновений у Ваншенкина. Материал в сущности тот же, а взгляд на него иной. Иной отбор, иное рядоположение в стихе. Примечательно и то, что Сергей Орлов, так же как Слуцкий и Ваншенкин, настаивает на его личной освоенности, подлинности, абсолютной достоверности. Более того, если и Ваншенкин и Слуцкий при всей строгости своих реалистических принципов причисляют себя не к документалистам, а к поэтам, Сергей Орлов не хотел, чтобы его стихи воспринимались как литература. Он был танкистом и писал о танкистах. Он горел в танке и — сколько раз! — вспоминал о клочьях кожи, сползающих с обгорелых рук.

Он писал стихи «руками, огрубевшими от стали», и писал о той самой жизни, которой жил, и во имя ее: «Я порохом пропахнувшие строки из-под обстрела вынес на руках». Он противопоставляет свои стихи художественным хитросплетениям: «Пускай в сторону удалится критик: поэтика здесь вовсе ни при чем. Я, может быть, какой-нибудь эпитет — и тот нашел в воронке под огнем». И — документирует точными географическими указаниями: Карбусель, Мга, Черная речка... Достоверность стихотворения легко было проверить. Теперь, когда опубликованы воспоминания его друзей и боевых товарищей, можно сказать: да, это было; да, это видел и пережил сам Сергей Орлов.

И верно, большинство военных стихов Сергей Орлов написал на фронте в перерывах между боями, в минуты затишья, карандашом, склонившись к планшету. И он писал о том, что происходит сию минуту или происходило только что. О взятии Карбусели он писал под Карбуселью. Документальность самая подлинная, самая непосредственная.

Но у Ваншенкина очерк так и оставался очерком, тяготея к прозаическому повествованию. У Слуцкого последовательно и логично поднимался к социологическому обобщению. Сергей Орлов тут же, ни на шаг не отходя, извлекал из него поэзию. Этот документ писал не писарь, а поэт взволнованными словами. Он закреплял

не столько факт, сколько чувства — ярость боя, страдания плоти, одушевление, скорбь. Ведь и они, сопровождая изнурительный труд войны, неповторимы, и они достойны «документа». Позже все может показаться иным. Так я это вижу, чувствую и понимаю теперь — вот его точка отсчета. Он «документировал» предельное напряжение сил, высоту помыслов и подлинность воодушевления.

Что же он хотел оставить — стихи или документ? К чему стремился — к запечатлению факта или творчеству?

Сергей Орлов, конечно же, был поэтом и создавал поэзию. Во всем происходящем можно было найти и такое, от чего в пору было прийти в отчаяние. Однако Сергей Орлов участвовал в Великой исторической войне и осознавал это время как в высшей степени поэтическое. Все, что происходило даже на маленьком пятачке, имело уникальную ценность. А каждый уникальный факт — общенсторическое значение. Жизнь, поэзия, история и твой собственный опыт были нераздельны. А потому лично пережитое немедленно перерастало в общенародное, общенсторическое, глобальное. Самая грубая материя жизни становилась в поэтический ряд:

Болотный вереск на крови цветет
Не по преданью, а на самом деле.
Я не забуду сорок третий год,
Когда от крови здесь снега кипели.

Ползли полки под пули в рев пурги,
Колющее железо прогрызая,
От Черной речки до пустынной Мги
За пядь земли болотной умирая.

Одной ценой платили мы в бою
За рыжий мох и за сады Тавриды.
Мы не делили родину свою,
Чтоб не было на нас у ней обиды.

Неделима родина, неделим подвиг — подо Мгой ли, под Сталинградом, в Тавриде ли, — неделима жизнь, сиюминутная и историческая, твоя личная и всеобщая.

Снова общий мотив — неделность военного подвига, эпическое единство воюющего народа. На этом сойдутся все, но каждый увидит по-своему. Напоминаю Слуцкого с его командирами и политруками, цементирующими это единство. Героев Ваншенкина, припадающих к воинской дисциплине и растворяющихся в ней. У Сергея Орлова это единство культурно-историческое. «Сады Тавриды» —

из фразеологии Пушкина, «болотный вереск» и «рыжий мох» — из Тихонова. Сергей Орлов вписывает свое понимание единства в поэтическую традицию. Но это и его собственное непонимание. Его личный взгляд. Как командира танкового взвода Сергея Орлова, наверно, больше всего волнуют бои подо Мгой, но высшая правда для него в том, что он одновременно думает о «садах Тавриды», о всей родине. И «документировать» этот душевный подъем, эту широкую мысль ему не менее важно, чем с дневниковой точностью описать будни боев.

Так и будет в ранних стихах Сергея Орлова горячка боя, когда «лишь только бы скорей ракета, чтоб заряжать, хрипеть, стрелять», продолжаться в высоком поэтическом ритме.

Почти непременно у него это соотношение глобального и абсолютно конкретного. Превращение непосредственного действия в символическое; после изматывающего танкового боя «прокатилась по синему небу над черной землей и упала на столбик сосновый звезда из фанеры».

Цепи метафор монументального стиля: «Идут машины, словно громы, сошедшие с крутых небес»; «...молнии лежат в кассетах, из меди звонкой отлиты!».

Отказ от психологических оттенков ради экспрессивной формулы главного:

Жить от атаки до атаки,
Мечтать о письмах и тепле
И не отдать огонь бивака
За все удобства на земле.

За ранним Сергеем Орловым просматривается ранний Николай Тихонов. Сергей Орлов отдавал себе в этом отчет, считая, что «ярче и плодотворней всего творчество Тихонова сказалось на поэзии фронтового поколения, которое почерпнуло в лирике Тихонова силу для нового отношения к миру в пору своей молодости и гражданского возмужания».¹

Отлитые в металле скульптурные фигуры героев Сергея Орлова расставлены в символических положениях. Пространство между ними становится сценой стремительного действия. Этот реальный план разворачивается с кинематографической зрелищной выразительностью.

¹ Орлов Сергей. Собр. соч. в 3-х тт., т. 3, с. 108.

Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.

Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.

Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата.

Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

Картина яркая, впечатляющая. Психологический же ее подтекст самый общий. Вся суть в движении и смене кадров, в их сопоставлении, которое и дает целостный лирический образ. Образ чувственно-достоверный и в то же время обобщенно-монументальный.

Сергей Орлов написал правду войны. Ее кровь и смерть, боль и страдания. Но его стихи — не крик плоти. В неизбежных жертвах он видел великий смысл. В физическом напряжении и противостоянии утверждался духовный подвиг. Война была всемирным событием в цепи исторических событий. Она всколыхнула многовековую историю России. Свет звезд на броне танков тот же, что сиял «войскам боевым на поле Куликовом». И тот же, что скользил по «шеломам и стальным щитам за Непрядвой». И война — по внутреннему предчувствию Сергея Орлова — не могла не предшествовать другим великим событиям. Утопающая в крови и огне, в гибельной страде творящаяся история уже влияла на будущее, уже предвосхищала его. Подо Мгой сквозь узкую смотровую щель танкист видел «предмесья Вены и Берлина». В 1943 году Сергей Орлов напишет о ракетоплане, отправляющемся «на только что открытую звезду», и, как бы глядя из будущего, скажет: «В тот дальний век изобретали люди «Катюшу» для полета на Луну».

По этому поводу тонко заметил В. Дементьев: «История под пером Орлова берет свое начало из будущего, а не из прошлого, из того, что будет, а не из того, что было. В этом будущем поэт может сделать выбор, а значит, остаться свободным».¹

Уже в первых книгах Сергей Орлов стремился мыслить, обобщать, смотреть на современность исторически.

¹ Дементьев Валерий. Мой лейтенант. — Лит. Россия, 1980, 7 ноября.

Метафоричность, монументальность, символика венчают чувство непосредственной жизни, ее физиологию, документальность. И он, между тяжелейшими танковыми боями заполняя тетрадь стихами, сознательно вспоминает историю, заглядывает в будущее, размышляет о последствиях происходящего.

2

Первые книги Сергея Орлова не только были молодыми и свежими, правдивыми и искренними. Они были художественно зрелыми. Мало того, что он непосредственно видел и описывал жизнь. Он ее знал, понимал и по-своему о ней судил. Была у него своя точка зрения и на поэзию:

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли.
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли.

Жизнь должна складываться, как песня. «Информбюро скупое сообщение о путь-дороге нашего полка» — великое творческое создание. Это похоже на Маяковского.

При таком подходе словно и вовсе отпадает вопрос о мастерстве, творческом воображении, искусстве. Важен факт. Стихотворение как бы продолжает жизнь, не сочиняется, а вырастает по ее законам.

Однако секретами своего ремесла Сергей Орлов владел отлично. Воспоминания старых друзей уточняют наши представления о начальной поре его творчества. Год учения на филологическом факультете Петрозаводского университета. В Петрозаводске же была подготовлена к изданию первая книжка стихотворений, набор которой сгорел вместе с редакцией в 1941 году.

Еще до войны Сергей Орлов готовился стать поэтом. Он много писал, уже печатался, сотрудничал в газете. Премия за лучшее стихотворение на всесоюзном конкурсе школьников в 1938 году заставила по-иному взглянуть на одно из своих юношеских увлечений. «Она, — вспоминает Сергей Викулов, — придала ему уверенности и, если хотите, дерзости, сделала его серьезней, даже взрослее. Он понял, в чем, так сказать, «соль стихотворения»: техника — да, но и образность!

Найти точный образ, а главное — свежий, незатасканный, для него теперь становится сладкой мукой... без которой и радости творчества не бывает».¹

Сергей Орлов много и вдумчиво читает. В его характере удивительным образом уживались серьезность, положительность, углубленность в деловую жизнь и мечтательность. Он с детства бредил космосом. Штудировал книги по астрономии. Любил научную фантастику. Его воображение всегда было занято. Конструированием радиоприемников, научными гипотезами о внеземных цивилизациях, стихами. Он пробовал лепить из глины, рисовать, играть на сцене...

Что это? Рассеянность интересов? Так оно и могло оказаться у кого-нибудь другого. Для Сергея Орлова это было учение. Складывалось главное — умение видеть, думать, создавать свои собственные модели увиденного. То была жажда познания, творчества, действия. В конце концов все сводилось к поэзии. Разрозненные нити образовывали прочную основу. Кажущаяся несобранность оборачивалась единством.

Теперь опубликовано немало довоенных стихотворений Сергея Орлова. В них еще нет войны и нет той мощи человеческого сопротивления и противостояния враждебным силам. Но зато как ярко он видит природу. Как много в ней движения, страсти, жизни: «Гром гремит, остав на четверть такта от зигзага молний на завалах»; «По земле бежит вода рябая, пузырясь, урча и закипая»; «Гуси словно ошалелые гогочут»... И рядом — юный поэт, обернувшийся лицом к этому как бы впервые рождающемуся миру:

Я пойду подсматривать и слушать
Всех ветров рождение, всех цветов,
Всех дождей и кваканье лягушек
Среди зацветающих прудов.

По горам пойду и по долинам,
На телеге с неба съедет гром,
И вожак из стаи журавлиной
Мне подарит для стихов перо.

Поразительно, что в таких мирных стихах Сергея Орлова как бы притаился шедевр его военной лирики «Его зарыли в шар земной...». Разве не рядом «грома могу-

¹ Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. Л., 1980, с. 22.

чие гремят» и «на телеге с неба съедет гром», «ветра разбег берут» и «всех ветров рождение»? В наивном пейзаже юного Сергея Орлова уже шелестит космический ветерок. «Вожак из стаи журавлиной» и «шар земной» ищут друг друга.

Для понимания его поэзии очень важно то, о чем написал Сергей Викулов: «...Сергей Орлов *на войну ушел поэтом!*»¹ Первая его книга, книга военных стихов, была не пробой голоса, а итогом еще до войны избранного пути. Танкистом он стал по велению долга, поэтом был по призванию и внутреннему самоопределению. Оттого он и наставлял, что не война рождает поэтов: «Поэтами рождаются и становятся вопреки войне, а не с помощью ее». Жизнь в широком смысле слова создает поэтов.

Но было бы неразумно отрицать, что война придала первым книгам Сергея Орлова, так сказать, военную форму. Вылепила характер героя, соответствующий экстраемальным обстоятельствам. Точнее, крупно определила главные его черты. Создала о нем легенду.

А мы прошли по этой жизни просто,
В подкованных пудовых сапогах.
Махоркой и соленым потом воздух,
Где мы прошли, на все века пропах.

Нас счастье даже в снах не посещало,
Удачами не радовала жизнь.
Мы жили от привала до привала,
В сугробах мерзли и в песках пеклись.

Что из того, что там потом поставят
Потомки благодарные навек
Нам монументы?! — Не для звонкой славы
Мы замутили кровью столько рек.

Мы горе, что по праву причиталось
И им, далеким, выпили до дна.
Им только счастье светлое осталось
И мир всю жизнь, как нам всю жизнь — война.

Опять привожу стихотворение из посмертной книги, написанное еще в 1944 году. И возникает вопрос: почему не печатал? Оно могло бы стоять в первом ряду деклараций поэтов фронтового поколения. Тех, что ушли, «не долюбив, не докурив последней папиросы» (Н. Майоров), или предпочли вернуться «лучше с пустым рука-

¹ Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное, с. 24.

вом, чем с пустой душой» (М. Луконин). В стихотворении Сергея Орлова очевидны типологические признаки молодого героя, прошедшего войну.

Может быть, как раз эта широта и останавливала его. Он принимал емкие формулы других, охотно их цитировал. Но, еще до войны познав вкус творческого открытия, он искал свое видение мира, явно избегал деклараций, общности, доступной многим. Да и «главное» стихотворение Сергея Орлова — «Его зарыли в шар земной...» — было не декларацией, а неким высшим выражением творческой индивидуальности, хотя объем обобщения здесь тоже можно было бы распространить на все поколения, даже больше — на все военные поколения. Но его стилистика, его монументализм были отмечены орловской печатью.

«У огня своя архитектура: пламени готические башни, дыма голубые купола...» Элементарная стихия огня в восприятии Сергея Орлова имела свой облик. Тем более свою архитектуру должна была иметь каждая поэтическая строчка.

Главное же было в том, что, уравнив поэзию и жизнь, даже отдав преимущество жизни перед поэзией, он должен был прийти к пониманию поэзии как действия. Стихи в таком случае обязаны были строить и переделывать жизнь. Работать. Монументальной поэзии было явно недостаточно. Нужна была польза, дело, поэтический прорыв к читателю, равный по энергии танковым атакам, которые во время войны были неотделимы от стихов, пишущихся по свежим следам, в том же боевом ключе, на том же материале, в том же ритме.

3

Война для Сергея Орлова кончилась раньше, чем для многих его товарищей. После тяжелого ранения, с инвалидской книжкой в кармане, «забинтованный, словно в маске, в апреле 1944 года вернулся Сергей Орлов в родной Белозерск. Я хорошо помню, — вспоминает друг его юности И. Бузин, — его в тот апрельский день, когда он в бушлате, выцветших галифе и кирзовых сапогах вплотную подошел ко мне и спросил: «Что, не узнаешь?» — и подал мне свою обгорелую руку.

Да, я его, Сергея Орлова, действительно тогда не узнал. Тяжелые ожоги на лице еще не зажили и гноились. Другой бы на его месте в таком положении продолжал

лечиться в госпитале, но ему хотелось поскорее вернуться домой... Приехал посуровевший, больной, но не сломленный».¹

До конца войны оставался еще год. Его однополчанцами встречали Варшава и Прага. Они брали Берлин. А Сергей Орлов уже работал диспетчером Белозерского технического участка. Он видел каждодневные жертвы, которые приносил народ. Тут было бесконечное терпение, подвиг ежечасный, героизм, выражающийся не в порыве, а в неустанном трудовом усилии и жизненном самоограничении. Позже в «Воспоминании о тыле» Сергей Орлов расскажет, как женщина с девочкой, увидев у него, отпускного солдата, кусок хлеба, просила: «Продайте нам хлеба, сынок...» Женщина из тех тружениц, что сами его растили для фронта.

Кровь, железо и боль войны у Сергея Орлова необычайным образом оборачивались поэзией. Из-за чрезвычайной напряженности действия, которым он был захвачен. Полнота самоотдачи, пыл танковых атак, кружение у смерти на краю возвышали и жестокий фронтовой быт, который сам по себе вовсе не был поэтичным.

Поэтичным было сознательное участие в истории. Непосредственное действие в ней, переживание ее как личного творения. Одним словом — то, что оставалось сверх быта, сверх страданий, даже сверх гибели.

Но каких бы высоких материй ни достигала поэзия Сергея Орлова, он вел ее от жизни, от непосредственного опыта, от той правды, которая открывалась взору. Он гордился, что стих его испытан на поле боя, что прежде слова было дело.

В мирной жизни Сергей Орлов тоже бросается на поиски достоверности, документальности, правды. Но ритм ее — при всех громадных трудностях — иной. Единая профессия солдата тут распадается на множество профессий со своей спецификой. И Сергей Орлов пишет портреты людей профессии — «Паромщик», «Бакенщик», «Плотогон», «Лесовод», «Фотограф»... Единое средство войны — оружие — сменяется строениями, машинами, вещами самого разного назначения. И он пишет о них. Героями его стихов становятся «Старый буксир», «Новый мост», «Землечерпалка», «Гидроэлектростанция», «Плавучая культибаза», «Шлюз»... Единый смысл войны —

¹ Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное, с. 33.

победа в бою — в мирной жизни распадается на разные трудовые процессы. И Сергей Орлов описывает лесозаготовки, сплав леса, перевозки, уборку урожая, строительство электростанции, Волго-Донского канала, циклы сельского труда по временам года...

Это по сути очерки. Индустриальные пейзажи. Обозрения разнообразной трудовой деятельности людей. Стихотворная журналистика. В этих стихах немало верных наблюдений, точных деталей, образных находок, но ослаблен лирический характер, в сущности нет управляющего этой грудой фактов личностного начала. Все пространство стиха заполняют многочисленные объекты: сооружения, машины, вещи, профессии, трудовые процессы. И пет внутреннего человека. Лирическая субъективность поглощена описательностью. Сознает это и сам Сергей Орлов, хотя и подчиняется, как ему кажется, неизбежному: «Мир утверждает пресловутой прозы с поэзией старинное родство».

«Пресловутая» проза берет верх. Разнородный материал — и то лишь в немногих стихотворениях — он пытается объединить декларациями: «Здесь мой герой на шумном перекрестке поэму ладит из кирпичных строк... И управхоз пропишет в ней героев — поэтов, инженеров, слесарей».

Конец сороковых — первая половина пятидесятых годов — самая трудная пора для Сергея Орлова. Он жаждет напрямую соответствовать жизни, но, забирая ее внешние черты, уходит от поэзии. Он теряет своего героя. Или, скорее, — недостаточно доверяет ему.

Одновременно, хотя и не часто, пишутся стихи-воспоминания. Там он — прежний яростный танкист, исполненный мужества, верный товарищ, человек, мыслящий сердцем и тонко чувствующий не только реальную ситуацию, но и ее протяженный поэтический смысл.

На глубине завязываются и новые психологические конфликты. Память о прошлом бывает разная. Не только символически-ритуальная, как отдание чести. Есть еще память, которую Б. Слуцкий назвал «памятью тела», К. Ваншенкин — «воспоминаниями ощущений». Она заставляет мучиться, заново переживая пережитое:

Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы,
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.

Возможно, что это тот самый человек, что «поэму ладит из кирпичных строк». Но там он — в показательной позе, здесь — в своей судьбе, в реальной биографии. Там — картинный, заснятый фотографом, здесь — застигнутый врасплох, живой, достоверный. И эти параллели не пересекаются.

Теперь, когда опубликованы стихи из старых тетрадей, становится ясно, что Сергей Орлов мучительно искал точки пересечений военного и мирного опыта. Не о том ли строки: «Мне кажется, что я живу немало лет, немало весен, и то, что прошлым здесь зовут, однажды с будущего спросят». Иными словами, пережитое еще пригодится, оно войдет в будущее. Тогда, в 1946-м, какая важная мысль!

Но что это за будущее? В ту же пору Сергей Орлов писал: «Бытия неведомого знаки — звезды прорезаются из тьмы». И — пророческое: «Мы еще на дальние планеты корабли Союза поведем — слесари, танкисты и поэты, мы на желтую Луну взойдем». Были и стихи о пришельцах из дальних миров, о гибели Атлантиды, о временах, когда люди от планеты к планете протянут верстовые столбы.

Фантастика? Не только. Он видел: «космос молча звездами пылит». Спрашивал: «Сколько человеку предстоит дела в неизведанной вселенной?» Это было шестое чувство — чувство будущего. Туда его вел характер. Наконец, это просто было его мироощущение:

До неба тростинкой дотянуться,
Прикурить цигарку от звезды.

Сергей Орлов с самого начала стремился к поэтизации действительности, к поэтизации человека. У него была своя модель преобразования непосредственно данного, открытия в обычном необычайного, прекрасного, символического.

«Уходит в небо с песней полк от повара до командира» — начало для стихотворения ошеломляющее и даже

странное. Как это — «уходит в небо»? Но это никакая не метафора. Это — реальный полк, реальная ситуация.

Как гром ночной аэродром.
Повзводно, ротно, батальонно
Построен в небе голубом
Десантный полк краснознаменный.

Там, в небе, самолетов след —
Как резкий свет кинжальных лезвий,
Дымок дешевых сигарет
И запах ваксы меж созвездий.

Все происходит на самом деле. И все, однако, чуть сдвинуто, преображено словом, так что реальные события оказываются в поэтическом ореоле: «пехота по небу идет», «запах ваксы меж созвездий». И — итоговая формула:

...подвиг, как бы он высок,
Как ни был бы красив, — работа.
И пахнет кирзой сапог,
И звездами, и солью пота...

Подвиг — работа, но пахнет не только потом, пахнет и звездами. А между созвездий остается запах ваксы. Характерно, что звезды эти, в сущности, не выдуманы. Они сопровождали в полете десантников.

Тут были у Сергея Орлова влиятельные предшественники: М. Светлов с его постоянными сопоставлениями бытового, «низкого», смешного и романтического, прекрасного, Н. Ушаков — с тончайшим чувством красоты новой вещи, еще не освоенной поэзией, которого он считал «своим поэтом».

Сергей Орлов обладал развитым чувством поэтического в обыденности. Он был из породы романтиков, ищущих не противостояния, а соответствия жизни. В скудную послевоенную пору он строжайше ограничивал себя. Стремился стоять на почве действительности, быть человеком дела.

Едва кончилась война, как Сергей Орлов уже писал: «Нынче время такое, — сняли парни шинели и для нового боя спецодежду надели». И — о поэзии: «Время песне настало выходить на работу». Это была обязательность действия поэзии в сфере жизни.

Он воочию видел послевоенные бедствия и не утешал себя честно выполненным ратным долгом. Не раздумывал

гая, принял он на себя долг перед измученной и обескровленной страной.

Итак, в книгах преимущественно стихотворный очерк. В творческой лаборатории — фантастика, медитативная лирика, метафоры.

Сергеем Орловым владели противоречивые чувства. Он вел поиск в разных направлениях. Но главное для него было стоять лицом к лицу с жизнью. Только на ее почве он мыслил цельность и поэтическую гармонию. Ни умозрения, ни тонкости интроспекции сами по себе его не увлекали, хотя у него была склонность к обобщениям, тяга к монументализму, чувство обостренной психологической ситуации. Именно этих «добавок» не хватало его публицистике, чтобы стать полноценной лирикой.

Но он шел прямо. Не в его характере искать окольных путей. У него не было конструктивного расчета, внешней беллетристической цели. Он подчинялся прежде всего чувству долга. К поэзии упорно пробивался через каждодневную жизнь. В конце пятидесятих годов наступает момент, когда сквозь быт является перед ним бытие.

Из лавки овощной доставленный,
Кочан капусты — это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он — кочан капусты...

О, георгины кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты волей, разумом,
В своей работе наторслым,

Разделан на лапшу и звездами
Колючей соли пересыпан,
А вот уже и лавры возданы
И перцем сдобрены до всхлипа.

И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Ши возвышаются могучие.
Над ними небеса и ветры.

Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как Библия.
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли.

Это уже не очерк. Но Сергей Орлов не обходит жизненных реалий, не разбавляет их элегическими вздоха-

ми. Он их сгущает до такой плотности, что они взрываются поэзией. Так написаны «Щи», «Свежий хлеб», «Кружка молока», «Мытье полов», «У костра», «Гармоникки»... В основе элементарное природное явление, вещь или действие. Но они укрупнены — до масштабов всеобщего — и разложены на главные смысловые элементы. Превращение кочна капусты в щи — целый жизненный цикл чуть ли не глобального масштаба, аналогичный круговороту всеобщей жизни. Цикл природный: «Кочан капусты — это золото дождей, качающихся, грузных, и жарких дней, на солнце колотых, в клубок закрученное с хрустом». Трудовой цикл — от посадки до приготовления, где поработали «звон отточенной лопаты» и «сталь синяя секиры кованой». Действие, связанное с основными потребностями человека, а потому в своей обыденности величественное: «Шипит плиты планета черная и брызжет синими цветами». Наконец, это красота (поэзия): «О, георгины кухни газовой, железные цветы горелок!» — и вопрос жизни и смерти (философия): «Они воскресли и погибли».

То же — глоток молока: «...как вдох в бору сосновом, и вот уж утвердилась связь с жарой, где воздух сенокоса, звеня, пронзают овода, с большим зеленым лугом росным, где речка стынет, как слюда». То же — хлеб: «Священнодействием пахнет на столе: встречается здесь грохот обмолота с порой весенней сева на земле». И мытье полов — это не грязная работа, а праздник очищения: «Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют»; «Хозяйки моют пол под праздник, в день субботний, и праздник настает...»

Эти выходы к общему доказаны сцеплением образов, венчают конкретный жизненный ряд. Основаны на уплотненной — по внешним признакам исключительно бытовой — фактуре. Однако же уплотнение меньше всего происходит за счет нагнетания и описательной полноты подробностей. Суть в том, что они взяты в стих уже преобразованными, с выявленными поэтическими потенциями: «каравай раскрыт, как Библия»; плотогоны «большие, как деревья, сошлись у одинокого костра»; «грохочут чугуны, гоняют тряпки воду, тяжелым косарем раздроблена дресва, со щелоком парным и *грацией свободы* на праздник утверждаются права».

Без «грации свободы» этот праздник просто не наступил бы. В конкретном составе отдельного образа уже

выявлено общес. Образ изначально устремлен к синтезу. Не описателен.

Так Сергей Орлов восстановил сквозную связь между бытом, бытием и человеком. В конечном счете все именно в нем, в человеке. Это он, счастливый и благодарный участник жизни, умеющий работать, радоваться, размышлять, объединяет в себе быт и бытие. Та увлеченность, изящество и свобода, с которыми он совершает, казалось бы, незначительные действия, стоят у начала целостного бытия, исполненного красоты и высокого смысла.

На новой — теперь уже психологической — основе установилась и связь между войной и миром. Первоначально Сергей Орлов не хотел, чтоб в мирную жизнь вошло нечеловеческое напряжение, характерное для боя и фронтового быта. Он рассчитывал не то чтобы вовсе забыть войну, но переключиться на другой ритм, другие заботы, оказаться в другом физическом и нравственном климате. В некотором смысле он ставил барьер между четырьмя военными и последующими годами.

Но пройдет время, и Сергей Орлов вспомнит молодого лейтенанта, вспомнит по иной, внутренней необходимости:

Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук, в снегу.
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.

А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка среди огня.
Как он там в огне ревушем верит
В мирного, далекого меня!

...Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!

...Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?

Это как бы третья память. Не на события. Не на страдания плоти, не та тяжелая физическая память, что мучила по ночам в первые послевоенные годы, а идеальная, духовная, способная морально поддержать в реши-

тельную минуту. Теперь Сергею Орлову важен психологический опыт, все, что могло отложиться в характере, освободить внутренние силы личности.

Раньше он обращал внимание прежде всего на выносливость, силу, поступок. Сейчас — на мотивы поведения, чувство чести, внутреннюю порядочность: «Теряю вкус к подробностям хмельным воды и суши и вглядываюсь пристальнее в дым, в людские души».

Нельзя сказать, что Сергей Орлов резко изменился или изменил себе. Это было естественное развитие личности во времени. Открытие нравственных запасов памяти. Наконец, чувство возраста, необходимость осознания жизненного опыта в его протяженности. Как целое, как духовное достояние он неуничтожим.

Нас нет на свете. Мы трава и лес,
Свист пеночки и звон лозы в кювете,
Волны речной мгновенный вольный плеск
И бьющий в лица на дорогах ветер.

Нас вырубил металл, огонь спалил,
Четыре года, вечности четыре,
В пыль разносил грохочущий тротил,
И нас уж нет давно в подлунном мире.

Но «за нас живут и любят» — в этом смысл. Сергей Орлов благословляет будущую жизнь. И на свое так быстро исчезающее поколение смотрит из будущего, которое потому и есть, что было это поколение.

Конец как бы смыкается с началом. Но там господствовала воля бойца, здесь — мудрость человека, честно прожившего жизнь.

Это распространенные черты в поэзии поэтов старшего поколения — усиление лиризма, психологизация стиха, строгость гармонии, основанной на целостном понимании жизненного опыта. Характерна она и для К. Ваншенкина, и для А. Межирова, и для Д. Самойлова. Для Сергея Орлова — тоже. В его тетрадях осталось немало точных психологических зарисовок — впечатляюще искренних документов внутренней жизни. Они очень важны для понимания его личности. Его привлекал психологизм, но, похоже, он не вполне ему доверял. Психологический процесс всегда незавершен, всегда недосказан. Досказанная психологическая выкладка лишается психологизма, превращается в жесткую модель. В ней нет уже непосредственности и непринужденности душев-

ного движения. Сергей Орлов не любил недосказанности. По-видимому, психологические зарисовки казались ему слишком фрагментарными.

Он, без сомнения, искал синтетические формы, его поэзию отличает повышенная образная плотность. Он в одном четверостишии мог развернуть ярмарку разноголовых и ярких зрелищ:

Как осенью под сечкою капусту,
На улице дорогу мнут пимы,
Скрипит снежком рассыпчато и вкусно,
И зацепились за дома дымы.

Картина метафоричная, пластичная, озвученная.

В построении образа у Сергея Орлова очевидно влияние экспрессивных стилей. Соблюдая классическую меру стиха, он оглядывается на поэтику Н. Тихонова, Б. Пастернака, Н. Ушакова, Л. Мартынова и даже более молодых — А. Вознесенского и Е. Евтушенко.

В его метафоре есть конструктивное, рационалистическое начало. Он любит парадоксальное развитие сюжета: «Дорогу делает не первый, а тот, кто вслед пуститься смог. Второй». Охотно прибегает к притче, ценит афористическую концовку. Ищет в стихе дальний смысл, монументальность, возвышающуюся над бытом, иносказание. В духе народных представлений напишет ироническую «Оду дураку». В иносказательные картины развертывает он пословицы и поговорки: «Ты в жизни жег хоть раз мосты в своей, как жгут мосты саперы, настилы руша с высоты и за рекой оставив город?»

Вообще, образ, достаточно яркий, пластичный, живописный, Сергей Орлов стремится строить так, чтобы он разросся в символ:

Четыре года посреди земли,
Слепящим громом разрывая воздух,
Передо мной вставали и цвели
Бризантные клубящиеся розы.

Сквозь рощи роз меня судьба вела,
Лилейно-белых, розово-багряных,
В шипах колючек ржавых в три кола,
Над зарослями проволоки рваной.

И надо мною мог огня цветок
Встать и закрыться холмиком горбатым,
И я дарил их, отводя замок,
Дыша угарным воздухом отката...

Сопоставлено зрелище артиллерийского огня и цветения роз — бризантные клубящиеся розы, лилейно-белые, розово-багряные. Язвляющая острота шипов перенесена на заросли колючей проволоки. Наконец, разрыв снаряда, «огня цветок», мог украсить холмик горбатый — могилу. Разветвленный метафорический ряд, венчающий столь же многослойный ряд жизненных реалий, разросся в символ жестокой военной молодости, знавшей лишь бризантные цветы и надмогильные салюты.

Сергей Орлов избегал экстравагантных решений. Как точно заметил В. Дементьев, всегда отличал понятие «возвышенного» от «поразительного». Но когда речь шла о возвышенном, он мог быть красноречив, был не чужд пафоса, монументальности, парадоксализма. В нем навсегда сохранилась закваска танкиста, написавшего «Его зарыли в шар земной...».

Он умел оставаться самим собой и при этом не пользоваться нажитым авторитетом. Книгу войны Сергей Орлов написал на войне. А когда она закончилась, не захотел неподвижно стоять на пьедестале военной славы. Он стремился писать стихи на том уровне душевного подъема, который соответствовал бы его подлинному внутреннему состоянию. То есть меньше всего собирался быть «лирическим героем» с однажды принятой на себя ролью и заранее обусловленными реакциями на разные события. Он был человек честный, открытый, искренний и от поэзии добивался тех же человеческих качеств.

Вместо того чтобы совершенствовать доставшуюся ему легендарную роль, обставлять ее все новыми подробностями и сюжетами, украшать фантазией, — так, например, как это часто делал в своих стихах Е. Винокуров, — Сергей Орлов предпочитал стоять лицом к лицу с жизнью. Он был убежден: «Все возникает из поступков». Парни, что вышли из войны с обожженными лицами и высокими идеалами фронтового братства, должны были проявить себя в новом качестве. Прежняя легенда могла жить и действовать только с помощью новых доказательств.

И он внимательно всматривался и вдумывался в меняющуюся действительность. Ему были интересны новые веяния, стремительная изменчивость общественного бытия, отношения людей к работе, умственных запро-

гов, стиля поведения, общения, чувствования. Он все время расширял поле действия стиха изнутри, от потребности самоопределения в новом времени, сохраняя устойчивые характеристики личности, которая сложилась в молодости, в обстоятельствах жестоких и грозных.

Сергей Орлов по свойствам таланта не был аналитиком. Он мог впадать в прозаизм, злоупотреблять описательностью, но всегда стремился преодолеть прозу, встать над ней, чтобы видеть далеко и ясно, в малом объеме стиха воплотить очень многое, пользуясь особыми поэтическими средствами, дать сгущенный поэтический образ действительности.